

89 - 98

Всесвѣтъ

LE PASSÉ

P 20
1578 (1881)

ВЫХОДЪ

СБОРНИКЪ ПО ИСТОРИИ
РУССКАГО ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

№ 8

Молодымъ людямъ — на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушаніе.
(Изъ народныхъ стиховъ)

PARIS
11, RUE DU LUNAIN, 11
—
1908

Siehe Rückseite

„Тоже герои“.

Генералы Меллеръ-Закомельскій и Ренненкампфъ.

(Изъ недавняго прошлаго Забайкалья.)

Еще не такъ давно обширную всероссійскую и даже міровую извѣстность стяжали себѣ знаменитымъ „усмиреніемъ“ Забайкалья эти генералы.

Имена ихъ повторялись съ ужасомъ и трепетомъ, газеты называли ихъ съ большой опаской и едва рѣшались говорить о творимыхъ ими расправахъ на Забайкальской желѣзной дорогѣ.

Но всетаки писали и говорили объ этихъ генералахъ достаточно, чтобы общество представляло бы ихъ себѣ совершенно ясно, что за циркулируемыми легендарными слухами о ихъ дѣятельности скрывалась страшная потрясающая трагедія ненужныхъ безчисленныхъ убійствъ-казней, тѣлесныхъ расправъ и проч.

Только общество не знало подробностей этихъ подвиговъ „мирныхъ“ завоевателей забайкальскихъ станцій.

Бывшій начальникъ II отдѣл. службы движенія забайкальской ж.-д., Н. А. Усовъ, въ двухъ, изданныхъ имъ въ Харбинѣ, брошюрахъ описываетъ изумительныя, потрясающія душу подробности расправъ на Забайкальѣ, творившихся генералами Ренненкампфомъ и Меллеръ-Закомельскимъ. По понятнымъ причинамъ, эти книжки не могли видѣть свѣтъ, такъ какъ въ нихъ подробно и ярко описаны эти подвиги, на которыхъ сейчасъ я остановлю вниманіе читателей.

Уже послѣ „усмиренія Забайкалья“ Меллеръ-Закомельскій довольно опредѣленно проявилъ себя въ Прибалтійскомъ краѣ, о чемъ въ свое время много говорила и „легальная“ пресса.

Потому останавливаюсь на дѣятельности забайкальскихъ карательныхъ отрядовъ въ началѣ 1906 г.

Ограничусь краткими данными, провѣренными по вышеупомянутымъ воспоминаніямъ г. Усова.

На станціи „Мысовая“ 19 января была пролита первая кровь. Меллеръ-Закомельскій разстрѣлялъ 6 человѣкъ. Послѣ генералъ Ренненкампфъ повѣсилъ 5 человѣкъ, разстрѣлялъ — 13. Многое множество людей было сослано на каторгу, брошено въ

тюремы по ничтожнымъ, случайнымъ, вовсе ничѣмъ не провереннымъ подозрѣніямъ.

Число ихъ неизвѣстно.

Меллеръ-Закомельскій разстрѣлялъ тоже 13 человекъ. Это все зарегистрированныя цифры. А сколько было невѣдомо какъ и гдѣ казенныхъ, не внесенныхъ въ оглашенные списки?

И хотя въ январѣ на забайкальской дорогѣ рѣшительно нечего было усматривать, къ Читѣ съ двухъ концовъ, „усматривая“ и „карая“ придвигались отряды: Ренненкампфъ — съ востока, и Меллеръ-Закомельскій — съ запада.

Г. Усовъ такъ описываетъ историческую встрѣчу двухъ отрядовъ царскихъ опричниковъ.

„Приѣхавъ на станцію „Мурино“, я, прежде всего, спросилъ назначеніе поѣздовъ.

Получилъ отвѣтъ:

„Ѣдетъ генералъ Меллеръ-Закомельскій съ „семеновцами“.

Делегация назначеніи передана наполовину, потому что въ Слюдянскъ некому передавать.

Вся сѣбна телеграфистовъ перепорота; остальные — разбѣжались.

Невеселыя мысли овладѣли мною, — что это за таинственность?

... Около 10 часовъ вечера подошелъ первый „боевой“ поѣздъ. Такихъ поѣздовъ я еще не видѣлъ. Только что поѣздъ остановился, его окружили солдаты, а изъ поѣзда вышли дежурный по шпелону, довольно полный капитанъ съ черной бородой и ревизоръ движенія Кульчицкій; послѣдній подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ:

— Идите въ задній вагонъ изъ начальника I отд., а съ ними ради Бога, ничего не говорите! Ужасъ! Ужасъ!...“

Г. Усовъ побѣхалъ съ этимъ поѣздомъ.

Изъ разговоровъ съ Меллеръ-Закомельскимъ и офицерами отряда выяснилось, что опредѣленнаго маршрута у отряда еще не было; но чувствовали какое-то соревнованіе съ отрядомъ Ренненкампфа, какое-то страшное соперничество.

— Эхъ, хорошо бы уговорить нашего генерала ѣхать безъ остановки и „взять“ Читу раньше Ренненкампфа, — сказалъ какъ-то въ разговорѣ одинъ изъ офицеровъ.

Они точно ревновали къ отряду Ренненкампфа свои возможные лавры въ Читѣ, въ которой, къ слову сказать, тогда было уже спокойно.

— Ренненкампфъ расправится; вѣдь, это звѣрь, — говорилъ другой офицеръ, — перевѣшаетъ забастовщиковъ, какъ собакъ, шкуру спуститъ нагайками...

Отрядъ ѣхалъ и арестовывалъ по дорогѣ „подозрительныхъ“. И никто не зналъ, кто и почему „подозрителенъ“. Часто арестованныхъ отпускали, часто везли съ поѣздомъ.

А когда на дерзкіе и грубые оклики подполковника Забот-

кина однажды одинъ студентъ и одинъ техникъ, арестуемые, робко попросили полномочій, имъ Заботкинъ отвѣтилъ:

— На будущее время, когда васъ спрашиваютъ, кто вы такіе, вы должны отвѣчать, а не спрашивать полномочія; я вамъ могъ бы показать полномочія, разложить васъ и отдрать нагайками.

А какъ и почему арестовывали явствуетъ, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ подполк. Заботкина, сказанныхъ г. Марцинкевичу.

— Надо арестовать бывшаго и настоящаго старшихъ телеграфистовъ, а также и контролеръ-механика Немельцева; его физиономія мнѣ показалась очень подозрительной, когда порол телеграфистовъ въ Слюдянскъ.

Но... постъ оказалось, что они были даже въ всякихъ подозрѣніи въ „неблагонадежности“.

Недурная картина рисуется дальше:

... Г. Марцинкевичъ сказалъ что-то по-французски подполковнику Заботкину, постъ чего взяли телеграфиста Яцуна и увели, а спустя 2 минуты въ контору ворвался начальникъ станціи Бакманъ, на которомъ буквально не было лица.

Въ отворенную дверь ворвались душу раздражающе крики и подл. Заботкинъ сказалъ:

— Ну, теперь можно ѣхать!

Мы вышли и въ корридорѣ я увидѣлъ, что, прилоняясь къ стѣнѣ, въ накинутаго на плечи пальто, которое было въ снѣгу, едва держась на ногахъ, стоитъ истерзанный телеграфистъ Яцунъ (пять минутъ назадъ вѣрившій въ наступившую „весну“).

Взглядъ, брошенный Яцуномъ на Марцинкевича и Заботкина, я никогда не забуду; въ этомъ взглядѣ выразилось одновременно и страшная безысходная тоска, и мука, и нѣмой укоръ... Казалось, онъ спрашивалъ: за что вы истерзали меня? За что надругались надо мной?...

... Вошелъ Заботкинъ.

— Ну, что, кончили? высыпали многимъ? — спросили офицеры.

— Всего одному, да мало высыпали; виноватъ полковникъ, не понялъ меня, — отвѣчаетъ Марцинкевичъ и продолжаетъ:

— Хорошо бы для острастки выпоротъ хотя одного начальника почтовой конторы...

Потомъ офицеры пошли спать.

Марцинкевичъ, по приказу котораго порол телеграфистовъ, былъ чиновникъ. Одинъ капитанъ (коего полная характеристика ниже) даетъ ему такую характеристику.

— Чиновникъ отъ маленькій, всего титулярный совѣтникъ, но личность способная и замѣчательная; несомнѣнно, далеко пойдетъ! Можете представить, выслужилъ пенсію уже 22 года. 11 мѣсяцевъ въ Портъ-Артурѣ пробылъ — засчитали 11 лѣтъ. Вернулся въ Петербургъ — послали его по почтовымъ забастов-

слать карательный поѣздъ, и въ то время, когда жизнь вошла въ колею, люди мирно собираются въ собранія, танцуютъ, играютъ въ карты, пьютъ, т. е. продѣлываютъ все то, что не возбранялось по штату российскимъ городамъ до манифеста?

У меня въ конторѣ идетъ обычная вечерняя работа, на станцію прибылъ пассажирскій поѣздъ.

Вбѣгаетъ въ контору одинъ изъ агентовъ, взволнованный, и рассказываетъ, что сейчасъ на станціи съ пассажирскаго поѣзда стащили машиниста, ѣхавшаго пассажиромъ на К.-В. ж.-д., и тутъ же, на глазахъ всей публики, отодрали нагайками.

Передавъ это, агентъ, — убѣжденный монархистъ, съ отчаяніемъ говоритъ

— Боже мой, Боже мой, что они дѣлаютъ? Они своими дѣйствіями способствуютъ революціи!

Трудно въ краткой статьѣ передать всѣ подробности возмутительныхъ расправъ, безчисленныхъ случаевъ насилія, издѣвательствъ надъ беззащитными служащими забайкальской жел. дороги.

Вѣроятно пройдетъ еще очень много времени, пока судъ исторіи прольетъ безпристрастный свѣтъ на дѣйствія этихъ позорныхъ „побѣдителей“ Забайкалья.

Мало того, что людей расстрѣляли массами и по одиночкѣ, офицеры позволяли себѣ глумиться и пасть тѣми, которымъ по странному капризу щадили жизнь.

Такъ, напримѣръ, начальника станціи „Боярекъ“, И. В. Земскова, заставили присутствовать при казни шести человѣкъ въ качествѣ „почетнаго зрителя“.

Интересныя впечатлѣнія самого Земскова, изложенныя въ письмѣ, нѣкогда опубликованномъ въ „Сибирскомъ Обзорѣннѣ“, но, какъ мнѣ передаютъ, не видѣвшемъ свѣта, благодаря конфеккаціи.

То, что, къ сожалѣнію, не могло быть прочтано прежде — теперь подъ защитой „давности“ получаетъ оглашеніе и, конечно, послужитъ предметомъ возмущенія, не меньшаго, чѣмъ въ тѣ времена.

Въ письмѣ описывается вопіющее глумленіе надъ Земсковымъ, подробности расстрѣла при немъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ телеграфистовъ Ермолаева и Ключникова, не виновность которыхъ выяснилась черезъ мѣсяць.

Также при немъ были расстрѣляны еще: старшій телеграфистъ ст. „Чита“, токарь депо „Слюдянка“ Бѣлый и двое неизвѣстныхъ въ солдатскихъ шинеляхъ.

Какъ много не писалось о дѣяніяхъ экспедиціи Меллеръ-Закомельскаго и Ренненкампа, но оказывается, что матеріалъ далеко не исчерпанъ. Все бывавшія новыя подробности, дѣйствительно наполняютъ душу негодованіемъ противъ бессмысленныхъ и жестокихъ расправъ.

Письмо просто, но ужасно, потому что дышетъ правдой въ этой простотѣ своей.

Не приводя письма, довольно длиннаго, я думаю, что и нижеприведенныя выдержки совершенно достаточны для выводовъ очень конкретныхъ.

„... Я, какъ близкій „почетный зритель“ при казни шести человѣкъ, не могу удержаться, чтобы не передать вамъ о послѣднихъ минутахъ казненныхъ и о тѣхъ ужасныхъ минутахъ, которыя пришлось пережить мнѣ: во-первыхъ, видя эту бойню, а, во-вторыхъ, когда сказали, что нужно убить и седьмого, а этимъ седьмымъ былъ я, мое состояніе въ эти минуты можетъ понять только тотъ, кто самъ былъ въ положеніи приговореннаго къ смертной казни, а затѣмъ казнь была отменена“.

Далѣе описывается, какъ автора письма обманомъ, давъ на его имя телеграмму за подписью его начальника (который этой телеграммы не давалъ), вызвали на ст. „Мисовую“.

Цитирую письмо дальше:

„Прѣхавъ съ поѣздомъ № 57 вопреки въ Мисовую и желая пройти въ телеграфъ, я только что взялся за ручку двери III класса, какъ предо мной, точно изъ земли, выросъ господинъ въ штатскомъ пальто съ кокардой на фуражкѣ и, грубо взявши меня за руку, спросилъ:

— Вы куда?

— Въ телеграфъ, — отвѣтилъ я.

— Вы кто такой?

— Начальникъ станціи „Боярекъ“.

— Ваша фамилія?

— Земсковъ.

— Солдаты! Взять его! Вы арестованы, — проговорилъ незнакомецъ, обращаясь ко мнѣ.

Подшли два солдата и встали по бокамъ, предварительно щелкнувъ затворами ружей.

— Вы затѣмъ сюда прѣехали? — спросилъ незнакомецъ.

— Меня вызвалъ мой начальникъ.

— Это не онъ васъ вызвалъ, а я, чиновникъ Марцинкевичъ, васъ вызвалъ. Вашъ начальникъ (Усовъ) давно арестованъ и сидитъ въ вагонѣ у насъ; теперь очередь за вами, его главнымъ соучастникомъ.

Далѣе Земскова допрашиваютъ: поди. Заботкинъ, Марцинкевичъ и др.

Допрашиваютъ очень грубо и когда допрашиваемый говорить, что не знаетъ, гдѣ находится какая-то типографія, которую они ищутъ, Заботкинъ говоритъ:

— Въ такомъ случаѣ я вамъ покажу картинку, какъ мы будемъ справляться съ однимъ жидомъ, а потомъ еще разъ прошу васъ пожалуйте за мною.

Далѣе необходимо цитировать, такъ какъ сей рассказъ буквально долженъ быть занесенъ на скрижали исторіи.

тюремны по ничтожнымъ, случайнымъ, вовсе ничѣмъ не провѣренными подозрѣніямъ.

Число ихъ неизвѣстно.

Меллеръ-Закомельскій разстрѣлялъ тоже 13 человекъ. Это все зарегистрированныя цифры. А сколько было невѣдомо какъ и гдѣ казненныхъ, не внесенныхъ въ оглашенные списки?

И хотя въ январѣ на забайкальской дорогѣ рѣшительно нечего было усмирять, къ Читѣ съ двухъ концовъ, „усмиряя“ и „карая“ придвигались отряды: Ренненкампфъ — съ востока, и Меллеръ-Закомельскій — съ запада.

Г. Усовъ такъ описываетъ историческую встрѣчу двухъ отрядовъ царскихъ опричниковъ.

„Приѣхавъ на станцію „Мурино“, я, прежде всего, спросилъ назначеніе поѣздовъ.

Получилъ отвѣтъ:

Ѣдетъ генераль Меллеръ-Закомельскій съ „семеновцами“.

Депеша о назначеніи передана наполовину, потому что въ Слюдянкѣ некому передавать.

Вся смѣна телеграфистовъ перепорота; остальные — разбѣжались.

Невеселыя мысли овладѣли мною, — что это за таинственность?

... Около 10 часовъ вечера подошелъ первый „боевой“ поѣздъ. Такихъ поѣздовъ я еще не видѣлъ. Только что поѣздъ остановился, его окружили солдаты, а изъ поѣзда вышли дежурный по эшелону, довольно полный капитанъ съ черной бородой и ревизоръ движенія Кульчицкій; послѣдній подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ:

— Идите въ задній вагонъ начальника I отд., а съ ними ради Бога, ничего не говорите! Ужасъ! Ужасъ!...“

Г. Усовъ поѣхалъ съ этимъ поѣздомъ.

Изъ разговоровъ съ Меллеръ-Закомельскимъ и офицерами отряда выяснилось, что опредѣленнаго маршрута у отряда еще не было; но чувствовали какое-то соревнованіе съ отрядомъ Ренненкампфа, какое-то страшное соперничество.

— Эхъ, хорошо бы уговорить нашего генерала ѣхать безъ остановки и „взять“ Читу раньше Ренненкампфа, — сказалъ какъ-то въ разговорѣ одинъ изъ офицеровъ.

Они точно ревновали къ отряду Ренненкампфа свои возможные лавры въ Читѣ, въ которой, къ слову сказать, тогда было уже спокойно.

— Ренненкампфъ расправится; вѣдь, это звѣрь, — говорилъ другой офицеръ, — перевѣшаетъ забастовщиковъ, какъ собакъ, шкуру спуститъ нагайками...

Отрядъ ѣхалъ и арестовывалъ по дорогѣ „подозрительныхъ“. И никто не зналъ, кто и почему „подозрителенъ“. Часто арестованныхъ отпускали, часто везли съ поѣздомъ.

А когда на дерзкіе и грубые оклики подполковника Забот-

кина однажды одинъ студентъ и одинъ техникъ, арестуемые, робко попросили полномочій, имъ Заботкинъ отвѣтилъ:

— На будущее время, когда васъ спрашиваютъ, кто вы такіе, вы должны отвѣчать, а не спрашивать полномочія; я вамъ могъ бы показать полномочія, разложить васъ и отодрать на гайками.

А какъ и почему арестовывали явствуетъ, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ подполк. Заботкина, сказанныхъ г. Марцинкевичу.

— Надо арестовать бывшего и настоящаго старшихъ телеграфистовъ, а также и контролеръ-механика Немельцева; его фізіономія мнѣ показалась очень подозрительной, когда пороли телеграфистовъ въ Слюдянкѣ.

Но... послѣ оказалось, что они были даже внѣ всякихъ подозрѣній въ „неблагонадежности“.

Недурная картина рисуется дальше:

„... Г. Марцинкевичъ сказалъ что-то по-французски подполковнику Заботкину, послѣ чего взяли телеграфиста Яцуна и увели, а спустя 2 минуты въ контору ворвался начальникъ станціи Бакманъ, на которомъ буквально не было лица.

Въ отворенную дверь ворвались душу раздирающіе крики и подп. Заботкинъ сказалъ:

— Ну, теперь можно ѣхать!

Мы вышли и въ корридорѣ я увидѣлъ, что, прислонясь къ стѣнѣ, въ накинутомъ на плечи пальто, которое было въ снѣгу, едва держась на ногахъ, стоитъ истерзанный телеграфистъ Яцунъ (пять минутъ назадъ вѣрившій въ наступившую „весну“).

Взглядъ, брошенный Яцуномъ на Марцинкевича и Заботкина, я никогда не забуду; въ этомъ взглядѣ выражалось одновременно и страшная безысходная тоска, и мука, и нѣмой укоръ... Казалось, онъ спрашивалъ: за что вы истерзали меня? За что надругались надо мной?...

... Вошелъ Заботкинъ.

— Ну, что, кончили? высыпали многимъ? — спросили офицеры.

— Всего одному, да мало высыпали; виновать полковникъ, не понялъ меня, — отвѣчаетъ Марцинкевичъ и продолжаетъ: — Хорошо бы для острастки выпоротъ хотя одного начальника почтовой конторы...

Потомъ офицеры пошли спать.

Марцинкевичъ, по приказу котораго пороли телеграфистовъ, былъ чиновникъ. Одинъ капитанъ (коего полная характеристика ниже) даетъ ему такую характеристику.

— Чиновникъ онъ маленькій, всего титулярный совѣтникъ, но личность способная и замѣчательная; несомнѣнно, далеко пойдетъ! Можете представить, выслужилъ пенсію уже 22 года. 11 мѣсяцевъ въ Портъ-Артурѣ пробылъ — засчитали 11 лѣтъ. Вернулся въ Петербургъ — послали его по почтовымъ забастов-

камъ, за каждую командировку прибавляли годъ на пенсію и давали отъ 2 до 3 тысячъ. Полковнику Сыропятову (начальнику жандармскаго управленія сибирск. ж.-д.) онъ такъ понравился, что тотъ предлагалъ ему даже поступить къ нему на службу. Сейчасъ Константинъ Владиміровичъ Марцинкевичъ состоитъ чиновникомъ особыхъ поручевій при главномъ начальникѣ почтъ и телеграфовъ и командированъ съ нами.

А послѣ, когда зашелъ разговоръ о безпорядкахъ и забастовкахъ, тотъ-же капитанъ рассказывалъ, видимо, съ удовольствіемъ, какъ „хорошо усмиряли“.

— Когда намъ приходилось дѣйствовать прикладами, мы были преимущественно по груди; побьешь, а утромъ человекъ готовъ!...

Недурно?... И этимъ не исчерпываются циничныя откровенности капитана (къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Усова не приведена его фамилія, но самый разговоръ запечатлѣнъ).

Капитанъ рассказываетъ дальше.

— А когда приходилось пороть и не хватало пагаекъ, то жарили шомполами! великолѣпно! мясо клочьями летѣло!

И это еще не всѣ шедевры изъ рассказовъ капитана. Вотъ еще:

— А то пришлось намъ пострѣлять на Иланской (на Сибирской); хорошо пострѣляли: 32 — на мѣстѣ, 62 — ранено, но „хорошо ранено!“ Къ утру врядъ ли остались живы 15 человекъ!...

„... Ужасъ охватываетъ меня, — говоритъ г. Усовъ, — слушая эти разговоры о бойнѣ людей, какъ о чемъ-то простомъ, обыкновенномъ. И изъ двухъ генераловъ я предпочиталъ Ренненкампа, мечтая о томъ, что съ Мысовой получится депеша, что Чита „взята“ и что помощи Меллеръ-Закомельскаго не требуется, хотя одинъ изъ офицеровъ сказалъ, что въ случаѣ, если генералы съѣдутся, то Ренненкампа подчинится Меллеръ-Закомельскому, такъ какъ этотъ старше...“

Какой же генералъ былъ лучше?

Г. Усовъ убѣжденъ, что „лучше“ былъ Ренненкампа, который однажды даже на словахъ заявилъ, что онъ противъ вѣщанія, хотя и за порку.

Ренненкампа такъ, на примѣръ, выразился про это:

— Да, на забайкальской дорогѣ дѣло обстоитъ много лучше, чѣмъ на сибирской, гдѣ намъ пришлось пострѣлять, но въ этомъ служащіе сами виноваты; хотя я и имѣю полномочія вѣшать, но, слава Богу, до сихъ поръ никого не повѣсилъ; что касается телеграфистовъ, то, конечно, вѣшать ихъ не будемъ, а посѣчь надо; они испугались и многіе дѣйствовали подъ вліяніемъ террора снизу; мы имъ пропишемъ терроръ сверху!

„... А въ ночь съ 18 на 19 около 1 часу ночи въ контору

пришло пять человекъ кондукторовъ, растерзанныхъ, въ крови; у одного голова была разбита ручкой револьвера...“

Какъ и за что пороли — вотъ картинка:

— Какъ вы думаете, — спросили подполковника Ковалинскаго, — за четверть водки, сколько всыпать нагаекъ?

— Ну, что же, за четверть — четыре, — отвѣтилъ Ковалинскій.

— Эй, — закричалъ подп. Заботкинъ, — тому жиду, у котораго я отобралъ 11 четвертей водки — всыпать 44 нагайки. Всыпали.

Какъ обращались съ арестованными, можно судить хотя бы по слѣдующему приказу офицера солдатамъ, приведшимъ въ вагонъ жену доктора Радіонова и фельдшерицу Паргалевскую.

— Въ случаѣ, если они будутъ разговаривать, — бей прикладомъ безъ предупрежденія... .

Этотъ же поручикъ приказывалъ конвойнымъ:

— Смотри же, помни, если народъ будетъ собираться у поѣзда — стрѣлять безъ предупрежденія!

„Съ поѣздомъ, съ которымъ взяли меня, — рассказываетъ г. Усовъ, — привезли и инженера Рюмина (нач. участка Сиб. ж.-д.), котораго Меллеръ-Закомельскій возилъ съ собою, а офицеры нѣсколько разъ его любезно предупреждали, что онъ скоро будетъ разстрѣлянъ. Также привезли и телеграфистовъ ст. „Мысовая“, одному изъ нихъ этимъ была спасена жизнь, потому что въ числѣ другихъ онъ былъ вызванъ къ разстрѣлу“.

Долженъ былъ быть разстрѣлянъ и самъ Усовъ; онъ пишетъ о томъ, что ему угрожали всюду. Его обвиняли въ сношеніяхъ съ революціонерами, арестовали и заключили въ тюрьму.

Онъ пишетъ объ этомъ:

„Спокойно относился я къ угрозамъ убить меня, ходилъ всюду, ѣздилъ по линіи. И даже въ тюрьмѣ, когда я узналъ, что по приговору суда генерала Ренненкампа повѣсили моего добраго сослуживца, инженера Медвѣдникова, то я приготовился къ смерти, сдѣлалъ всѣ распоряженія и заявилъ, что буду просить, чтобы меня разстрѣляли, а не вѣшали.“

Авторъ открываетъ одну за другой картины жестокостей, ничѣмъ не оправдываемыхъ, которыя лягутъ несмыслаемымъ позоромъ на лицъ, допускавшихъ эти жестокости.

Вотъ еще одна изъ картинокъ этихъ усмирений:

„Поѣздъ Меллеръ-Закомельскаго стоитъ на ст. „Мысовая“. Никого еще не разстрѣляли, но только и городъ, и станція — въ паникѣ.

Обыски, аресты. Все попряталось, притаилось. Никто не можетъ дать себѣ отчета.

За что все это?

Что такое сдѣлалъ городъ и станція, что потребовалось по-

слать карательный поѣздъ, и въ то время, когда жизнь вошла въ колею, люди мирно собираются въ собранія, танцуютъ, играютъ въ карты, пьютъ, т. е. продѣлываютъ все то, что не возбранялось по штату россійскимъ городамъ до манифеста?

У меня въ конторѣ идетъ обычная вечерняя работа, на станцію прибылъ пассажирскій поѣздъ.

Вбѣгаетъ въ контору одинъ изъ агентовъ, взволнованный, и рассказываетъ, что сейчасъ на станціи съ пассажирскаго поѣзда стащили машиниста, ѣхавшаго пассажиромъ на К.-В. ж.-д., и тутъ же, на глазахъ всей публики, отодрали нагайками.

Передавъ это, агентъ, — убѣжденный монархистъ, съ отчаяніемъ говоритъ

— Боже мой, Боже мой, что они дѣлаютъ? Они своими дѣйствіями способствуютъ революціи!

Трудно въ краткой статьѣ передать все подробности возмутительныхъ расправъ, безчисленныхъ случаевъ насилія, издѣвательствъ надъ беззащитными служащими забайкальской жел. дороги.

Вѣроятно пройдетъ еще очень много времени, пока судъ исторіи прольетъ безпристрастный свѣтъ на дѣйствія этихъ позорныхъ „побѣдителей“ Забайкалья.

Мало того, что людей разстрѣливали массами и по одиночкѣ, офицеры позволяли себѣ глумиться и надъ тѣми, которымъ по странному капризу щадили жизнь.

Такъ, напримѣръ, начальника станціи „Боярскъ“, И. В. Земскова, заставили присутствовать при казни шести человекъ въ качествѣ „почетнаго зрителя“.

Интересныя впечатлѣнія самого Земскова, изложенныя въ письмѣ, нѣкогда опубликованномъ въ „Сибирскомъ Обзорѣнн“, но, какъ мнѣ передаютъ, не видѣвшемъ свѣта, благодаря конфискаціи.

То, что, къ сожалѣнію, не могло быть прочитано прежде — теперь подъ защитой „давности“ получаетъ оглашеніе и, конечно, послужитъ предметомъ возмущенія, не меньшаго, чѣмъ въ тѣ времена.

Въ письмѣ описывается вопіющее глумленіе надъ Земсковымъ, подробности разстрѣла при немъ нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ двухъ телеграфистовъ Ермолаева и Ключникова, не виновность которыхъ выяснилась черезъ мѣсяць.

Также при немъ были разстрѣляны еще: старшій телеграфистъ ст. „Чита“, токарь депо „Слюдянка“ Бѣлый и двое неизвѣстныхъ въ солдатскихъ шинеляхъ.

Какъ много не писалось о дѣяніяхъ экспедицій Меллеръ-Закомельскаго и Ренненкампа, но оказывается, что матеріалъ далеко не исчерпанъ. Все выплывающія новыя подробности, дѣйствительно наполняютъ душу негодованіемъ противъ бессмысленныхъ и жестокихъ расправъ.

Письмо просто, но ужасно, потому что дышетъ правдой въ этой простотѣ своей.

Не приводя письма, довольно длиннаго, я думаю, что и нижеслѣдующія выдержки совершенно достаточны для выводовъ очень конкретныхъ.

„... Я, какъ бывшій „почетный зритель“ при казни шести человѣкъ, не могу удержаться, чтобы не передать вамъ о послѣднихъ минутахъ казненныхъ и о тѣхъ ужасныхъ минутахъ, которыя пришлось пережить мнѣ: во-первыхъ, видя эту бойню, а, во-вторыхъ, когда сказали, что нужно убить и седьмого, а этимъ седьмымъ былъ я, мое состояніе въ эти минуты можетъ понять только тотъ, кто самъ былъ въ положеніи приговореннаго къ смертной казни, а затѣмъ казнь была отменена“.

Далѣе описывается, какъ автора письма обманомъ, давъ на его имя телеграмму за подписью его начальника (который этой телеграммы не давалъ), вызвали на ст. „Мысовую“.

Цитирую письмо дальше:

„Пріѣхавъ съ поѣздомъ № 57 воинскимъ въ Мысовую и желая пройти въ телеграфъ, я только что взялся за ручку двери III класса, какъ предо мной, точно изъ земли, выросъ господинъ въ штатскомъ пальто съ кокардой на фуражкѣ и, грубо взявши меня за руку, спросилъ:

— Вы куда?

— Въ телеграфъ, — отвѣтилъ я.

— Вы кто такой?

— Начальникъ станціи „Боярскъ“.

— Ваша фамилія?

— Земсковъ.

— Солдаты! Взять его! Вы арестованы, — проговорилъ незнакомецъ, обращаясь ко мнѣ.

Подожли два солдата и встали по бокамъ, предварительно щелкнувъ затворами ружей.

— Вы зачѣмъ сюда пріѣхали? — спросилъ незнакомецъ.

— Меня вызвалъ мой начальникъ.

— Это не онъ васъ вызвалъ, а я, чиновникъ Марцинкевичъ, васъ вызывалъ. Вашъ начальникъ (Усовъ) давно арестованъ и сидитъ въ вагонѣ у насъ; теперь очередь за вами, его главнымъ соучастникомъ.

Далѣе Земскова допрашиваютъ: подп. Заботкинъ, Марцинкевичъ и др.

Допрашиваютъ очень грубо и когда допрашиваемый говорить, что не знаетъ, гдѣ находитесь какая-то типографія, которую они ищутъ, Заботкинъ говоритъ:

— Въ такомъ случаѣ я вамъ покажу картинку, какъ мы будемъ расправляться съ однимъ жидомъ, а потомъ еще разъ прошу васъ пожалуйте за мною.

Далѣе необходимо цитировать, такъ какъ сей рассказъ буквально долженъ быть занесенъ на скрижали исторіи.

„... Я послѣдовалъ въ сопровожденіи тѣхъ же конвойныхъ за Заботкинымъ; послѣдній привелъ насъ на станціонные пути противъ станціи, гдѣ находились два карательные поѣзда ген. Закомельскаго. Здѣсь же, оцѣпленные солдатами, стояли пять человѣкъ въ штатскомъ платьѣ и одинъ въ солдатской шинели. Полковникъ Заботкинъ, подойдя къ бывшему тамъ офицеру, скасалъ, показывая на меня:

— Пожалуйста, не смѣшайте этого господина съ этой публикой (показываетъ на 6 человѣкъ, оцѣпленныхъ солдатами). Онъ раньше будетъ „почетнымъ зрителемъ“.

— Слушаю, — послѣдовалъ отвѣтъ офицера, и меня приобщили къ этой небольшой группѣ шести.

Вѣроятно, думаю я, припоминая слова Заботкина, съ этимъ господиномъ будутъ расправляться, какъ съ жидомъ, т. е. попросту говоря, выпорютъ.

Подходитъ офицеръ съ записной книжкой и говоритъ намъ:

— Господа! Кто имѣетъ передать что родственникамъ, то передайте, — все будетъ исполнено.

Помню, какъ телеграфистъ ст. „Мысовая“ Ключниковъ заявилъ:

— У моей квартирной хозяйки имѣется мои сбереженія 150 руб. Перешлите ихъ моей матери.

Передавали и другіе, но что именно — не разобрался; разговоръ же Ключникова остался въ памяти потому, что онъ стоялъ близко отъ меня; я зналъ его лично хорошо, какъ моего бывшаго служащаго. Телеграфистъ ст. „Чита“, Савинъ, плакалъ, умоляя допросить его:

— Вѣдь я не виновенъ, не скрывался, ѣхалъ въ Иркутскъ за покупками, меня никто не допрашивалъ, — за что же? — всхлипывая, говорилъ онъ, но получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ офицера:

— Поздно!...

Раздается возгласъ:

— Первый, выходи!...

Никто не дѣлалъ нумераціи этимъ несчастнымъ и, естественно, что всѣ остались неподвижно на своихъ мѣстахъ; подходятъ два солдата, берутъ подъ руки перваго попавшагося, оказавшагося слесаремъ депо Слюдянка.

— Прощайте, товарищи! — сказалъ онъ, и твердой походкой направился къ столбу.

Отъ столба слышенъ крикъ:

— Священника просить!

Заботкинъ отвѣчаетъ:

— Вотъ еще чего захотѣлъ! (пересыпаетъ площадной бранью). Священника! — и самъ удалился въ поѣздъ.

Слышатся первый, второй, третій залпъ — и одной жизни нѣтъ...

Расдается команда:

— Слѣдующій!

Идетъ къ столбу „слѣдующій“ безъ помощи солдатъ. Нѣсколько минутъ — и этого не стало.

Пятымъ разстрѣливали Ключникова. Про него скажу вамъ немного болѣе.

Передъ разстрѣломъ онъ расцѣловался со мною, поблагодаривъ за прошлую, совмѣстную службу, бодро направился къ мѣсту казни, сказавъ по пути чиновнику Марцинкевичу.

— Знайте, господинъ чиновникъ, что кровь наша на васъ и на дѣтяхъ вашихъ.

Но отвѣта не послѣдовало.

Первый залпъ въ Ключникова былъ неудачный, попало лишь три выстрѣла, — раздавался душу раздирающій крикъ. Крикъ этотъ до сихъ поръ у меня въ ушахъ. Второй залпъ немного лучше первого и за нимъ лишь слышенъ былъ стонъ Ключникова; третій залпъ добилъ уже его окончательно.

Раздается команда:

— Отогрѣть затворы!

Вѣроятно, причина неудавшихся залповъ въ Ключникова была смазка ружейныхъ затворовъ, застывшая отъ 25 ° мороза...

Прикончивши съ шестымъ человѣкомъ, офицеръ, производившій разстрѣлъ, спрашиваетъ:

— Всѣ, что ли?

— Нѣтъ, — отвѣчаютъ солдаты, — еще одинъ остался.

А этотъ одинъ былъ я!

— Веди! — приказываетъ офицеръ.

Не ожидая, когда поведутъ, я самъ отправился къ столбу. Но въ это время вышелъ изъ карательнаго вагона подп. Заботкинъ и закричалъ:

— Нѣтъ, этого не нужно; онъ былъ у меня „почетнымъ зрителемъ“.

И, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

— Ну, что, видѣли картинку?

— Благодарю васъ, полковникъ, видѣлъ! — отвѣтилъ я.

— Ну, вотъ что: я васъ возьму до Верхнеудинска и по пути вы должны показать всѣхъ сообщниковъ. Если же вы не покажете, то съ вами будетъ то же, что съ этими шестью. Пеняйте тогда на себя!...“

Далѣе описывается это путешествіе до Верхнеудинска, путешествіе еще болѣе тяжкое, мучительное и тревожное, чѣмъ даже самое присутствіе на казняхъ...

Земсковъ ежеминутно могъ ожидать разстрѣла, которымъ ему грозили.

— Когда меня освободили, голова закружилась, стало въ глазахъ темно; я чуть не упалъ, — говоритъ Земсковъ.

И. В. Земсковъ посѣдѣлъ, побывавъ на казни „почетнымъ зрителемъ“ и вскорѣ внезапно умеръ. А послѣ оказалось, что онъ былъ арестованъ по ошибкѣ, что его смѣшали съ другимъ...

Вотъ каково было это историческое правосудіе карателей! И Меллеръ-Закомельскій разстрѣлялъ еще 7 человекъ на станціи „Могзонъ“; люди были взяты имъ на станціи „Хилокъ“. По приговору „суда“ Ренненкампа было повѣшено въ Верхнеудинскѣ 5 человекъ, въ „Хилкѣ“ разстрѣляно — 8, въ Читѣ — 4 и „Борзѣ“ — 1.

Достаточно сказаннаго, чтобы установить наличность дикихъ расправъ-„судовъ“, несмыслаемымъ позоромъ покрывшихъ оружіе русскаго воинства.

Тѣмъ не менѣе, возможно подробное и всестороннее изслѣдованіе кровавыхъ генеральскихъ подвиговъ въ Забайкальѣ должно имѣть мѣсто въ свободной русской печати, посвятившей себя изслѣдованію и оглашенію всѣхъ выдающихся фактовъ изъ исторіи русской освободительной борьбы, этой борьбы неравной и кровавой...

Подвиги генераловъ Закомельскаго и Ренненкампа должны быть навсегда запечатлѣны особенно въ памяти русскаго воинства, которое, въ угоду царю, генералы повели убивать своихъ же, чтобы „побѣждать“ послѣ безчисленныхъ японскихъ поражений...

Стараясь одинъ передъ другими выдвинуться, спѣшили эти „герои“ докладывать своему огорченному пораженіями самодержцу о томъ, какъ славно усмиряли они тѣхъ, которые встали или только думали встать противъ этого самодержавія.

Довольный „подвигами“ этихъ генераловъ, благодарный царь сдѣлалъ Меллеръ-Закомельскаго хозяиномъ въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ этотъ послѣдній сталъ продолжать свою кровавую дѣятельность, помогая царю удерживать шатающееся, непрочное и сомнительное его самодержавіе.

Войска должны знать имена и дѣла этихъ генераловъ, чтобы понять весь ужасъ того состоянія, въ которомъ ихъ держитъ самодержавіе, всю безвыходность ихъ „службы царю“, всю глубину жестокихъ и трагическихъ обмановъ, которыми окутана эта „служба“.

Парижъ, 25 октября (нов. ст.) 1908 г.

Ф. Купчинскій.